

Научная статья
УДК 342.727
doi: 10.34822/2312-3419-2022-1-84-90

КРИТЕРИИ ПРАВОМЕРНОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ СЛОВА

Лев Михайлович Большаков

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия
levbolshakov74@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-9325-6827>

Аннотация. Несмотря на значимость свободы слова, она очень уязвима. Причем речь идет в том числе о демократических государствах, где нелегальные способы нарушения свободы слова соседствуют с легальными. Последний вариант нарушений является наименее явным и наиболее опасным, так как не очевиден и связан с принятием законов, противоречащих конституционным нормам, а также недопустимым расширительным толкованием существующих правовых норм. Достаточная распространенность подобных явлений на практике актуализирует поиск и раскрытие признаков, через которые их можно выявить. Эту функцию выполняют критерии правомерности, которые исследуются в статье с позиций интегративного подхода.

Имея в виду сказанное, автор, используя диалектический метод познания, устанавливает термин «критерии правомерности», обосновывает его значение, а также предлагает список основных и дополнительных критериев. Представляется, что их использование на всех этапах законотворческой и правоприменительной деятельности позволит решить указанную проблему.

Ключевые слова: свобода слова, правомерность, интегративный подход, критерии правомерности, критерии правомерности ограничения свободы слова, основные критерии правомерности ограничения свободы слова, дополнительные критерии правомерности ограничения свободы слова

Для цитирования: Большаков Л. М. Критерии правомерности ограничения свободы слова // Вестник Сургутского государственного университета. 2022. № 1 (35). С. 84–90. DOI 10.34822/2312-3419-2022-1-84-90.

Original article

ELIGIBILITY CRITERIA FOR RESTRICTION OF FREE SPEECH

Lev M. Bolshakov

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia
levbolshakov74@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-9325-6827>

Abstract. Despite the importance of free speech, it is very vulnerable. This is also true in democracies where illegal ways of violation of free speech coexist with legal ones. The latter option is less obvious but more dangerous, since it is associated with adoption of laws contrary to constitutional provisions, as well as with the unacceptable broad interpretation of existing legal regulations. As a matter of practice, prevalence of such phenomena leads to the search and disclosure of criteria based on which they can be identified. This function is performed by the eligibility criteria, which are examined in the article based on the integrative approach.

In view of the foregoing, the term “eligibility criteria” is given and validated by the author based on the dialectical method. The author also proposes a list of principal and supplementary criteria. It is believed that their use at all stages of legislative and law enforcement activities will help to solve this issue.

Keywords: freedom of speech, eligibility, integrative approach, eligibility criteria, eligibility criteria for restriction of free speech, principal eligibility criteria for restriction of free speech, supplementary eligibility criteria for restriction of free speech

For citation: Bolshakov L. M. Eligibility Criteria for Restriction of Free Speech // *Surgut State University Journal. 2022. No. 1 (35). P. 84–90. DOI 10.34822/2312-3419-2022-1-84-90.*

ВВЕДЕНИЕ

Любое право сопряжено с обязанностями и ответственностью как самого носителя этого права, так и окружающих его людей. Именно такая связь позволяет устанавливать определенные ограничения. В то же время любые условия, так или иначе изменяющие границы права или свободы, должны иметь ясные и точные критерии правомерности. В противном случае право может быть не реализовано, может остаться декларацией, породить злоупотребления различного характера. Сказанное полностью относится и к свободе слова.

Как отмечается учеными, свобода слова очень уязвима и часто подавляется. Так, американский экономист У. Блок успешным вариантом уничтожения свободы слова называет создание ощущения конфликта между свободой слова и основными правами, которого на самом деле не существует [1, с. 104].

Несмотря на то что автор настоящей статьи не разделяет либертарианские взгляды У. Блока, приведенное высказывание представляется ему заслуживающим внимания. Подавление права свободно говорить, очевидно, соответствует интересам правящих элит в любой стране, но также ведет к отсутствию контроля за ними со стороны общественных институтов, создавая атмосферу вседозволенности для одних и безнадежности для других. Это также приводит к снижению эффективности процессов, направленных на развитие государства.

Однако и абсолютизация свободы слова вредна. Помимо всего прочего, она приводит к своеобразному загрязнению информационного пространства. Когда возникает информационное перенасыщение, порождающее такие негативные состояния, как агрессия, тревожность, депрессия, деформация моральных стандартов, повышается враждебность, увеличивается частота и разнообразие криминальных проявлений [2, с. 29–30].

Таким образом, очевидно, что необходим баланс между возможностями, которые предоставляет свобода, и рамками их использования, которые закрепляет право. Устано-

вить такой баланс позволяют критерии правомерности вводимых ограничений.

Учитывая сказанное, основной целью настоящей статьи является анализ критериев свободы слова. В соответствии с указанной целью автор ставит следующие задачи: выявить основные позиции относительно термина «критерии правомерности», установить их слабые и сильные стороны и на основе интегративного подхода сформулировать определение; раскрыть основные и дополнительные критерии правомерности, а также характер их взаимодействия при использовании на практике для выявления нарушений свободы слова.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с ограничениями свободы слова в России.

Предметом исследования является система конституционно-правовых норм, составляющих механизм регулирования критериев правомерности ограничения свободы слова.

В качестве материала использованы действующие нормативные правовые акты, а также судебная практика Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ; проанализированы доктринальные источники.

Методологическую основу исследования составил общенаучный диалектический метод познания, связанный с ним системно-структурный, технико-юридический метод, а также метод моделирования. Все эти методы позволили провести исследование рассматриваемых категорий во взаимосвязи и целостности.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В научной литературе отсутствует единое устоявшееся понимание правомерности, равно как нет общего подхода к содержанию этого понятия.

Представители позитивной школы права чаще всего понимают правомерность довольно узко: в контексте соответствия предписаниям, установленным в правовых нормах [3].

Соответственно, любое поведение, отличное от того, которое формально предписано, является неправомерным.

Как представляется, такой подход упускает важную характеристику права, которое не может быть установлено извне, оно должно опираться на ценности общества и только тогда будет реализовано на должном уровне. Именно на этот недостаток указывают сторонники социологической концепции права. Они предлагают оценивать любое деяние не только на соответствие правовым нормам, но и с точки зрения социальной значимости [4, с. 21].

Другую крайнюю позицию представляют сторонники естественно-правового подхода, которым свойственно абсолютизировать значимость нравственных установок, порой нивелируя нормативность.

Интегративный подход, который разделяет автор, позволяет свести воедино все лучшее из рассмотренных выше концепций, убрав свойственную им категоричность.

Обосновывая подобный симбиоз, О. С. Семина обращает внимание еще на один аспект, который, хоть и условно, но применим к оценке правомерности: «механизмы психологической детерминации правового поведения», которые неизбежно отражаются в правовом мышлении каждого субъекта и напрямую влияют на его решения [5, с. 116].

Действительно, при решении вопроса о правомерности соответствие нормам права является решающим фактором, но не единственным. Как справедливо замечает Е. Л. Ковалева, в правомерном поведении преимущественно совпадают интересы личности, общества и государства, но социальная значимость правомерного поведения не должна быть сведена только к удовлетворению общегосударственных нужд.

Тем не менее, так как непосредственным источником формального закрепления ограничений свободы слова может быть только государство, говоря о правомерности, ее следует рассматривать в первую очередь в связи с деятельностью государственных органов и их должностных лиц.

Учитывая все вышесказанное, можно согласиться с Е. Л. Ковалевой, которая право-

мерную деятельность государственных органов определяет как «деятельность по правоустановлению и правореализации, не нарушающую прав отдельных граждан и осуществляемую в рамках правомочий в соответствии с позитивным правом либо сложившимися общественными отношениями, признаваемыми большинством стран и конкретным обществом» [6, с. 10, 65].

Отсюда, делая поправку на тему настоящей статьи, критерии правомерности ограничения свободы слова – это условия, при которых деятельность органов государственной власти по принятию правовых норм и их применению будет соответствовать международным и конституционным нормам, устанавливающим общие принципы свободы слова, не будет противоречить сложившимся отношениям, признаваемым в конкретном обществе, а также будет учитывать интересы добросовестно пользующегося своими правами индивидуума.

В этом смысле можно выделить следующие основные критерии правомерности ограничения свободы слова:

1. Установление в правовой норме. Причем речь идет не о любой правовой норме, а только о той, которая содержится в федеральном законе (часть 3 ст. 55 Конституции РФ). На это обращает внимание и судебная практика высших судебных инстанций (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16).

Вводимые ограничения могут закрепляться в нормах различных отраслей права (международного, конституционного, уголовного, административного, гражданского, информационного и др.), но всегда опираются на Конституцию РФ.

При этом установление в правовой норме само по себе не является достаточным. В этом смысле верным представляется замечание, которое применительно к ограничению права на тайну частной жизни делает Л. А. Морозова. Она говорит о том, что существуют легальные нарушения конституционных норм (когда право нарушено ограничением, установленным в законе вопреки Конституции РФ) и нелегальные (когда право нарушено и нет обстоятельств, позволивших

это сделать). Если в последнем случае нарушение очевидно и возможно привлечение к ответственности, то в первом – привлечение к ответственности происходит чрезвычайно редко [7, с. 255].

Это связано с тем, что суды (за исключением конституционных), принимая решения, опираются главным образом на правовые нормы, не устанавливая соответствие их Конституции РФ и нормам международного права. Конституционный Суд РФ рассматривает вопрос соответствия нормам Конституции РФ и не рассматривает дела по существу. Однако надгосударственный судебный орган – ЕСПЧ – не связан национальным законодательством. При принятии своих решений он, безусловно, анализирует и закладывает его в основу своих решений, но в той мере, пока это не противоречит нормам международного права и современному пониманию прав и свобод. Соответственно, возможность восстановления нарушенных прав, хоть и затруднена, но сохраняется.

Характеризуя этот признак, следует подчеркнуть, что в научной литературе неоднократно высказывалось сомнение в том, что подход, при котором ограничение конституционных прав и свобод отнесено законодателем к уровню федерального закона, верен. Логичными представляются рассуждения В. В. Лапаевой, которая считает, что, так как основные права и свободы закреплены в нормах Конституции РФ, то и ограничены они могут быть только ее нормами. А «представление о том, что... федеральный законодатель может ограничивать конституционные права... стало возможным в силу юридической некорректности формулировки ч. 3 ст. 55, причины которой заключаются в неверном прочтении... норм международно-правовых актов... Текущее законодательство может лишь конкретизировать эти конституционные ограничения..., не выходя за их рамки» [8, с. 17].

Отсюда основа любого ограничения свободы слова – Конституция РФ, а далее это ограничение может быть дополнено федеральным законодательством, но при этом не должно выходить за рамки содержания первой.

2. Правовая норма, устанавливающая ограничения, должна сохранять формальное равенство между всеми гражданами страны. Как справедливо отмечает В. С. Нерсисянц, любое отклонение от этого принципа в направлении нравственных, идеологических, религиозных и других регуляторов общественной жизни неизбежно приводит к увеличению произвола и насилия, даже если прикрывается высокими идеалами и ценностями [9].

Ограничивая право одних и не делая этого в отношении других, мы произвольно меняем пределы права. В этой связи можно согласиться с В. Т. Томиным, который отмечает, что обеспечение оптимума прав и свобод для всех достижимо только в случае ограничения прав и свобод каждого.

Здесь хотелось бы остановиться на примере неравенства, которое не только приводит к нарушению рассматриваемого принципа через введение привилегированного положения одних, но и вызывает широкий общественный резонанс, порождает недоверие к государственной власти.

Речь идет о Федеральном законе «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 18.03.2019 № 28-ФЗ, который получил известность как закон об оскорблении власти. Если исключить весь негативный подтекст, связанный с его оценкой, то на деле применение ответственности возможно при совокупности следующих условий: неприличная форма распространяемой в сети Интернет информации, оскорбление достоинства и нравственности, явное неуважение к обществу, государству и его органам. Критика власти, негативные высказывания относительно представителя власти, выраженные в пристойной форме, состав этого правонарушения не образуют. Таким образом, статья, по сути, продолжает защиту уже установленных социальных ценностей. Больше вопросов возникает к правоприменительной деятельности с ней связанной.

Так, дискредитирует норму безответственности должностных лиц органов власти. В последнее время регулярно происходят случаи, когда эти лица в резкой, часто

грубой форме высказываются о населении региона, страны, какой-то социальной группе. Например, в марте 2019 г. депутат Волгоградской областной думы Гасан Набиев на заседании по вопросу социальных выплат пенсионерам области выказал мнение о том, что пенсию в 8 000 рублей получают исключительно «тунеядцы и алкаши». Такие люди «сами виноваты в своем материальном положении» [10]. Другой инцидент: 3 марта 2019 г. Станислав Жарков – сотрудник одного из подразделений «Роскосмоса» – во время дискуссии в социальной сети Facebook оскорбил жителей «хрущевок», обозвав их «скотобазой», которая «бухает, колется, бросает мусор в подъезде и орет по ночам» [10].

Административной ответственности, несмотря на широкий резонанс, они либо не понесли, либо сделано это было непублично. В целом привлечение к ответственности за подобные нарушения должностных лиц – явление довольно редкое. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за оскорбление административному наказанию в 2018 г. подвергнуты 13 962 лица, из них только 60 должностных лиц; в 2017 г. – 14 308 и 68; в 2016 г. – 14 519 и 120 лиц соответственно (официальный отзыв Верховного Суда РФ от 06.06.2019 № 4-ВС-3750/19 на проект федерального закона № 792837-7).

Очевидная несправедливость породила запрос у населения на усиление ответственности за подобные высказывания. В результате появился законопроект № 792837-7, предусматривающий введение уголовной ответственности для должностных лиц.

Однако, как представляется, дело не в усилении ответственности, а в реализации норм ее устанавливающих, а также публичном порицании таких действий и доведении до граждан страны информации о понесенном наказании. В противном случае мы можем получить довольно частое явление, когда строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения. Необходимо добиваться неотвратимости наказания и публичности рассмотрения таких дел.

3. Правовая норма должна быть ясной и понятной, не должна иметь обратной силы и применяться произвольно (Постановление

Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П).

Говоря об обратной силе закона, который вводит ограничение, следует упомянуть, что ч. 2 ст. 54 Конституции РФ содержит и другое правило: если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон. Соответственно, если ответственность за правонарушение была установлена УК РФ, а в дальнейшем состав перенесен в КоАП РФ, то это не исключает возможности привлечения лица к административной ответственности.

Именно на этот вывод опирался Верховный Суд РФ в своем постановлении от 20.12.2019 № 1-АД19-4, отказывая А. Б. Бармину в отмене постановлений о привлечении к ответственности, предусмотренной ст. 20.3.1 КоАП РФ, за возбуждение ненависти и унижение человеческого достоинства. По мнению суда, нижестоящие инстанции сделали правильный вывод о доказанности состава правонарушения, объективная сторона которого выражалась в целенаправленных действиях гражданина по размещению в сети Интернет своего мнения, которое, по заключению специалиста, содержало «лингвистические признаки возбуждения ненависти и унижения человеческого достоинства по признаку принадлежности к религиозной группе «православные верующие». Поэтому, несмотря на то, что это деяние в момент его совершения попадало только под уголовную ответственность (по ч. 1 ст. 282 УК РФ), лицо должно понести наказание, так как состав не исключен, а перенесен в КоАП РФ.

4. Цель ограничения должна быть законной. Недопустимо ограничение в связи с традициями и религией. При этом нельзя ставить под угрозу сам принцип свободы слова, связь между правом и ограничением, между нормой и исключением не должна быть обратной.

Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ допускается ограничение прав в целях защиты:

- основ конституционного строя;
- нравственности;
- здоровья;
- прав и законных интересов других лиц.

5. Вводимые ограничения должны быть необходимы для реализации провозглашенной цели и быть соразмерными ей.

Важность этого критерия продемонстрирована в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.04.2021 № 11-КГ21-6-К6. Решая вопрос о защите чести достоинства и деловой репутации, суд направил дело на новое рассмотрение, подчеркнув следующее:

1) при решении вопросов, связанных со свободой слова и СМИ, необходимо обеспечить баланс между ними и иными конституционными правами и свободами человека и гражданина;

2) при оценке формы выражения мнения журналиста нужно опираться не только на буквальное понимание слов и выражений, но и на их контекст. Необходимо учитывать цель, стиль и жанр; понимать, сделано ли суждение в рамках политических дискуссий или общественно значимых вопросов; оценивать общественно-политическую обстановку в стране или ее части; принимать в расчет, возможно ли проверить мнение на соответствие действительности или это только оценочное суждение.

6. Ограничения не должны исключать саму суть свободы слова.

Очевидно, что возможность ограничения свободы слова должна рассматриваться только в контексте неоднократно отмеченного значения этого элемента демократического общества. Соответственно, любые вводимые законодателем оговорки должны, во-первых, носить исключительный характер, а во-вторых, иметь четкие границы. В противном случае происходит выхолащивание содержания свободы, когда она остается закрепленной в нормах конституционного права, но не имеет практической реализации, не выполняет положенных в нее социальных функций.

7. Ограничение должно соотноситься с общественными устоями и пониманием моральных ценностей, которые преобладают в государстве. Пожалуй, этот критерий самый субъективный. Тем не менее его исключение сделает любой анализ вводимых ограничений неполноценным. Несмотря на очевидное сближение правовых систем, глобализацию, взаимовлияние общественных институтов разных государств друг на друга, факт остается фактом: то, что может быть допустимо в одних

государствах, исключается в других. Это относится и к формам выражения свободы слова.

Помимо основных критериев, следует выделить дополнительные. Конституционный Суд РФ неоднократно обращал внимание на то, что при ограничении прав и свобод должны быть соблюдены такие требования, как справедливость, адекватность, пропорциональность. Примечателен тот факт, что указанные дополнительные критерии сами по себе абстрактны, в связи с чем могут применяться только в качестве вспомогательных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Критерии правомерности ограничения свободы слова – это условия, при которых деятельность органов государственной власти по принятию правовых норм и их применению будет соответствовать международным и конституционным нормам, устанавливающим общие принципы свободы слова, не вступит в противоречие со сложившимися отношениями, признаваемыми в конкретном обществе, а также будет учитывать интересы добросовестно пользующегося своими правами индивидуума.

2. Значение выделения критериев правомерности ограничения свободы слова состоит в том, что они позволяют провести черту между пределами свободы слова и отклонениями, опосредующими злоупотребление правом или способствующими ему. Ограничение можно признать правомерным только при наличии всех основных критериев.

3. Основными критериями правомерности ограничения свободы слова являются: установление в правовой норме; сохранение формального равенства между всеми гражданами страны при введении указанной нормы; ее ясность, понятность, отсутствие возможности применения обратной силы, исключение произвольного применения; законность цели ограничения; сохранение сути свободы слова; соответствие общественным устоям и пониманию моральных ценностей, которые преобладают в государстве.

4. Дополнительные критерии позволяют еще точнее разделить правомерное и неправомерное ограничение свободы слова, но сами по себе они абстракты, в связи с чем мо-

гут применяться только в качестве вспомогательных. К ним следует отнести справедливость, адекватность и пропорциональность.

Список источников

1. Блок У. Овцы в волчьих шкурах: в защиту порицаемых. Челябинск : Социум, 2011. 299 с.
2. Федотов М. Экология информации // Российская юстиция. 1999. № 12. С. 29–30.
3. Hart H. L. A. The Concept of Law. Oxford, 1961. 325 p.
4. Рязанова Н. А. Правомерность как характеристика деятельности сотрудников органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 158 с.
5. Семина О. С. Правомерность в контексте основных подходов к пониманию права // Теория и практика общественного развития. 2017. № 6. С. 115–116.
6. Ковалева Е. Л. Правомерное и противоправное поведение: их соотношение : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 288 с.
7. Морозова Л. А. Современная российская государственность проблемы теории и практики : дис. ... докт. юрид. наук. М., 1998. 313 с.
8. Лапаева В. В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) // Журнал российского права. 2005. № 7. С. 13–23.
9. Соколышчик И. М. Первые философско-правовые чтения памяти академика В. С. Нерсисянца // Право и политика. 2006. № 12. С. 20–48.
10. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительной ответственности должностных лиц, лиц занимающих государственные должности Российской Федерации или государственные должности субъекта Российской Федерации, а равно главы органа местного самоуправления : законопроект № 792837-7 : пояснительная записка. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/792837-7#bh_note (дата обращения: 15.01.2022).

Информация об авторе

Л. М. Большаков – старший преподаватель.

References

1. Blok U. Ovtzy v volchikh shkurakh: v zashchitu poritsaemykh. Chelyabinsk : Sotsium, 2011. 299 p. (In Russian).
2. Fedotov M. Ekologiya informatsii // Rossiiskaia iustitsiia. 1999. No. 12. P. 29–30. (In Russian).
3. Hart H. L. A. The Concept of Law. Oxford, 1961. 325 p.
4. Ryazanova N. A. Pravomernost kak kharakteristika deiatelnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del : Cand. Sci. Dissertation (Law). Moscow, 2012. 158 p. (In Russian).
5. Semina O. S. Legitimacy in the Context of the Main Approaches to Understanding the Law // Theory and Practice of Social Development. 2017. No. 6. P. 115–116. (In Russian).
6. Kovaleva E. L. Pravomernoe i protivopravnoe povedenie: ikh sootnoshenie : Cand. Sci. Dissertation (Law). Moscow, 2002. 288 p. (In Russian).
7. Morozova L. A. Sovremennaia rossiiskaia gosudarstvennost problemy teorii i praktiki : Doctoral Dissertation (Law). Moscow, 1998. 313 p. (In Russian).
8. Lapaeva V. V. Problema ogranicheniia prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Konstitutsii RF (opyt doktrinalnogo osmysleniia) // Journal of Russian Law. 2005. No. 7. P. 13–23. (In Russian).
9. Sokolshchik I. M. Pervye filosofsko-pravovye chteniia pamiati akademika V. S. Nersesyantsa // Law and Politics. 2006. No. 12. P. 20–48. (In Russian).
10. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation Establishing Additional Liability for Public Officials and Officials Holding Public Office in the Russian Federation or Public Office in the Subjects of the Russian Federation, and Heads of Local Government Bodies : Draft Law No. 792837-7 : Explanatory Memorandum. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/792837-7#bh_note (accessed: 15.01.2022). (In Russian).

Information about the author

L. M. Bolshakov – Senior Lecturer.